

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ ТЕСС ГЕРРИТСЕН

*Серия о Джейн Риццоли
и Мауре Айлз*

Хирург

Ученик

Грешница

Двойник

Смертницы

Клуб Мефисто

Хранитель смерти

Гиблое место

Гробовое молчание

■

Жатва

Эксперимент

Лихорадка

Химера

Сад костей

Пропавшая девушка

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

ГРОБОВОЕ МОЛЧАНИЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г 39

Tess Gerritsen
THE SILENT GIRL
Copyright © 2011 by Tess Gerritsen
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Лютовой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Иллюстрация на обложке Екатерины Бороздиной

Герритсен Т.

Г 39 Гробовое молчание : роман / Тесс Герритсен ; пер. с англ. О. Лютовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-18173-1

Рассказывая о привидениях бостонского Чайна-тауна, экскурсовод меньше всего ожидал, что на глаза одному из туристов попадет страшное подтверждение его слов: отрубленная, еще кровоточащая рука, сжимающая пистолет... Вызванная на место происшествия детектив Джейн Риццоли находит на крыше соседнего здания тело женщины без кисти; горло убитой перерезано необычайно острым лезвием. Обнаружен и такой странный вещдок, как клочки волос, не принадлежащих человеку. Расследование приводит Джейн к загадочному случаю массового убийства в Китайском квартале Бостона. Это происшествие почти двадцатилетней давности повлекло за собой множество невероятных и весьма жутких совпадений — как будто проклятие обрушилось на голову людей, поражая все новые жертвы... Но Джейн Риццоли уверена: мистика тут ни при чем и совпадения в ее работе — всего лишь исключение. Она шаг за шагом приближается к разгадке этой темной истории. И с каждым последующим шагом рискует все больше...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© О. И. Лютова, перевод, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18173-1

*Биллу Хейберу и Дженет Тамаро —
за то, что поверили в моих девочек*

«Что тебе необходимо сделать — так это выманить чудовище из логова, — сказал Царь Обезьян, — однако ты должен быть уверен, что выживешь в этой битве».

У Чэньэнь (ок. 1500–1582).

*Обезьяна: китайский народный роман.
(Сокращенный и адаптированный перевод
на английский язык Артура Уэйли, 1942)*

Сан-Франциско

Весь день я наблюдаю за этой девочкой.

Она не подает виду, что заметила меня, хотя машина, взятая мною напрокат, хорошо видна с того угла, где девочка и другие подростки собрались этим вечером — убить время так, как это обычно делает скучающая молодежь. Она выглядит младше остальных, но, возможно, так кажется, потому что она азиатка, и в семнадцать по-прежнему миниатюрна — тростинка, а не девочка. Ее черные волосы острижены коротко, как у мальчишки, а синие джинсы потерты и разорваны. Это не дань моде, думаю я, а последствия долгой носки и уличной жизни. Закурив сигарету, она небрежно, словно бандит в подворотне, выпускает облако дыма; это поведение не идет к ее бледному китайскому личику с тонкими чертами. Она достаточно красива, чтобы привлечь голодные взгляды двух проходящих мимо мужчин. Девочка замечает их интерес и, ничуть не испугавшись, тоже сердито смотрит на них, однако бесстрашие дается легко лишь тогда, когда опасность всего-навсего абстрактное понятие. А как поведет себя эта девочка, если столкнется с настоящей угрозой? — размышляю я. Станет защищаться или растеряется? Мне нужно узнать, из какого теста она сделана, но пока у меня не было возможности проверить.

С наступлением темноты собравшиеся на привычном месте подростки начинают расходиться. Сперва от группы

отделился один из них, затем — второй. В Сан-Франциско вечерами прохладно даже летом, а потому оставшиеся ребятки в свитерах и куртках сбиваются в тесную кучку и, поднося друг другу зажигалку, прикуривают и наслаждаются мимолетным жаром пламени. Однако холод и голод в конце концов прогоняют последних подростков, и на улице остается только девочка, которой некуда идти. Она машет вслед удаляющимся друзьям и некоторое время стоит в одиночестве, словно ожидая кого-то. Наконец она пожимает плечами и покидает место сборищ — сунув руки в карманы, девочка двигается в мою сторону. Проходя мимо моей машины, она смотрит не на меня, а куда-то вдаль — ее взгляд кажется самоуглубленным и неистовым, словно она мысленно пытается справиться с какой-то дилеммой. Вероятно, она размышляет о том, где сегодня можно отхватить ужин. А может быть, ее гнетет нечто более важное. Ее будущее. Способность выжить.

Наверно, она не замечает, что за ней идут двое мужчин.

Всего через несколько секунд после того, как девочка прошла мимо моей машины, я вижу мужчин, вынырывающих из переулка. Я узнаю их — те же двое, что пялились на нее чуть раньше. Когда, следуя за ней, они минуют мою машину, один из мужчин смотрит на меня сквозь ветровое стекло. Его быстрый взгляд оценивает, представляю ли я угрозу. Похоже, увиденное не вызывает у него ни малейшего беспокойства, так что оба товарища продолжают путь. Они передвигаются словно два уверенных в себе хищника, преследующих более слабую добычу, которая вряд ли может оказать сопротивление.

Выбравшись из машины, я иду за ними. Точно так же, как они следуют за девочкой.

Она направляется в район, где слишком много заброшенных зданий, а тротуары словно вымощены битыми бутылками. Ничто в ней не выдает ни страха, ни сомнений, словно ей хорошо знакомы эти места. Девочка ни разу не оглядывается, и это свидетельствует о том, что она либо до

безрассудства смела, либо не представляет, как этот мир может обойтись с девочками вроде нее. Преследующие ее мужчины тоже не оглядываются. Даже если эти двое заметят меня (а я ни за что не позволю такому случиться), они не испугаются. Никто никогда не видит во мне угрозы.

Девочка минует еще один квартал и, свернув направо, исчезает в дверном проеме.

Я отступаю в тень — понаблюдать, что будет дальше. Двое мужчин останавливаются у дома, в который вошла девочка, чтобы обсудить стратегию, а затем тоже заходят внутрь.

Стоя на тротуаре, я смотрю вверх, на заколоченные окна. Это опустевший склад с табличкой: «Посторонним вход воспрещен». Дверь в него приоткрыта. Я проскальзываю внутрь, в такой густой мрак, что мне приходится остановиться, — пока глаза привыкают к темноте, я полагаюсь на другие чувства, временно заменяющие мне зрение. Я слышу, как скрипят половицы. Ощущаю запах горящей свечи. И наконец вижу слабый отсвет в дверном проеме слева от меня. Остановившись возле него, я заглядываю в помещение.

Девочка стоит на коленях возле импровизированного стола; ее лицо освещает дрожащее пламя свечи. Вокруг — признаки временного жилища: спальный мешок, консервные банки и маленькая газовая плитка. Она сражается с упрямым консервным ножом и не замечает приближающихся сзади мужчин.

Я набираю воздуха в легкие, чтобы крикнуть ей: «Берегись!» — но тут девочка оборачивается и оказывается лицом к лицу с незваными гостями. У нее в руке консервный нож — жалкое оружие против двух крупных мужчин.

— Здесь мой дом, — говорит она. — Убирайтесь.

Я собираюсь вмешаться. Но все-таки останавливаюсь посмотреть, что произойдет дальше. Понять, из чего сделала эта девочка.

— Мы просто пришли в гости, милая, — смеется один из мужчин.

- Разве я вас приглашала?
- По твоему виду ясно, что тебе компания не помешает.
- А по твоему — что тебе не помешают мозги.

Не самое лучшее поведение в подобной ситуации, думаю я. Теперь их похоть смешалась со злобой, а это опасная комбинация. Однако девочка стоит спокойно, не двигаясь с места, и помахивает этим жалким кухонным приспособлением. Когда мужчины набрасываются на нее, я уже опираюсь на пятки, готовясь к прыжку.

Она опережает меня. Один скачок — и ее нога бьет в грудь первому мужчине. Удар неуклюжий, но действенный, и первый мужчина, покачиваясь, хватается за грудь — он не может дышать. Второй незнакомец не успел еще среагировать, а она уже поворачивается к нему и бьет консервным ножом ему в висок. Взревев, он пятится назад.

Что ж, это уже интересно.

Первый мужчина приходит в себя и, бросившись на девочку, ударяет ее так сильно, что они вместе падают на пол. Она отбивается руками и ногами, и ее кулак попадает мужчине в подбородок. В ярости он не обращает внимания на боль и с рыком наваливается на нее всем весом, не давая пошевелиться.

Теперь в схватку снова включается второй незнакомец. Он обхватывает запястья девочки и прижимает их к полу. Юность и отсутствие опыта стали причиной катастрофы, из которой ей уже не удастся выбраться. При всей своей горячности девочка слишком неумела и не подготовлена — вот-вот случится неизбежное. Первый мужчина расстегнул ее джинсы и теперь сдергивает их, обнажая худенькие бедра девочки. Его возбуждение несомненно, даже брюки в области ширинки оттопырились. В такие моменты любой мужчина становится уязвимым.

Он не слышит, как я приближаюсь. Вот он расстегивает ширинку. А вот уже лежит на полу со сломанной челюстью — зубы вываливаются у него изо рта.

Второй мужчина едва успевает выпустить руки девочки и вскочить, но я его опережаю. Я — тигр, а он всего-навсего неуклюжий буйвол, глупый и беспомощный перед моим ударом. Он с диким криком падает на пол. Судя по нелепо согнутой руке, его кость переломилась пополам.

Я хватаю девочку за руку и рывком помогаю ей встать.

— Ты цела?

Застегнув джинсы, она пристально смотрит на меня.

— Черт возьми, а *вы*-то кто?

— Об этом потом. А сейчас — уходим! — рывкаю я.

— Как вам это удалось? Как вы одолели их так быстро?

— Хочешь научиться?

— Да!

Я смотрю, как двое мужчин корчатся и стонут у наших ног.

— Итак, первый урок: умей вовремя убежать. — Я подталкиваю ее к двери. — Сейчас как раз пора.

Я наблюдаю за тем, как она ест. Она худенькая девочка, но аппетит у нее волчий — она уничтожает три куриных тако, целое море пережаренной фасоли и большой стакан колы. Ей хотелось именно мексиканской еды, поэтому мы сидим в кафе, где звучит музыка мариачи, а стены украшены пестрыми картинками с изображением танцующих сеньорит. Пусть лицо у девочки китайское, однако она совершеннейшая американка — от короткой стрижки до потертых джинсов. Это грубое, одичавшее существо, причмокивая, тянет через соломинку последние глотки колы, а потом шумно хлюпает, пытаясь собрать остатки напитка с кубиков льда.

Я начинаю сомневаться в разумности своего предприятия. Девочка уже слишком взрослая для обучения и слишком необузданная — такая вряд ли освоит дисциплину. Стоит отпустить ее назад, на улицы, если именно туда ей хочется вернуться, и пойти по другому пути. Но потом

я замечаю шрамы на костяшках ее пальцев и вспоминаю, как близка она была к тому, чтобы в одиночку одолеть двоих мужчин. У нее есть талант, и она бесстрашна, а этим двум вещам невозможно обучить.

— Ты помнишь меня? — спрашиваю я.

Отставив стакан, девочка хмурит брови. Мне кажется, что в ее глазах мелькает осознание, но потом эта искра исчезает. Она качает головой.

— Это было давно, — подсказываю я. — Двенадцать лет назад. — Целая вечность для такой юной девушки. — Тогда ты была еще маленькая.

Она пожимает плечами:

— Неудивительно, что я вас не помню.

Девочка лезет в карман куртки, вытаскивает сигарету и начинает прикуривать.

— Ты оскверняешь организм.

— Это же мой организм, — возражает она.

— Только не в том случае, если ты хочешь тренироваться. — Протянув над столом руку, я выхватываю сигарету у нее изо рта. — Если у тебя есть желание учиться, нужно меняться. Необходимо проявлять уважение.

— Вы прямо как моя мама, — фыркает она.

— Я была знакома с твоей мамой. В Бостоне.

— Ну так она умерла.

— Я знаю. Она написала мне месяц назад. Сообщила, что больна и что ей осталось недолго. Поэтому я здесь.

Я удивляюсь, увидев, как в глазах девочки заблестели слезы. Она быстро отворачивается, словно ей стыдно демонстрировать слабость. Но в это мгновение уязвимости, до того как она отводит глаза, мне на ум приходит мысль о собственной дочери, утраченной в еще более юном возрасте, чем эта девочка. Слезы обжигают мои глаза, но я не пытаюсь прятать их. Печаль сделала меня другим человеком. Стала очищающим пламенем, пробудившим мою решимость и закалившим мои намерения.

Эта девочка необходима мне. Да и она, конечно же, во мне нуждается.

— Мне пришлось искать тебя несколько недель, — говорю я.

— Приемная семья меня достала. Одной мне гораздо лучше.

— Если бы тебя сейчас увидела твоя мама, она очень огорчилась бы.

— У нее никогда не было времени для меня.

— Может, потому, что она работала на двух работах, пытаясь прокормить тебя? Ведь в этом вопросе она могла рассчитывать только на себя.

— Никто не считался с ней. Я ни разу не видела, чтобы она защищала свои интересы. Она и меня-то не защищала.

— Она была напугана.

— Она была слабохарактерной.

Я наклоняюсь вперед, придя в бешенство из-за этой неблагодарной мерзавки.

— Ты даже вообразить не можешь, как сильно страдала твоя бедная мать. Она все для тебя делала.

Я с отвращением швыряю девочке ее сигарету. Нет, раньше она представлялась мне совсем иной. Пусть она сильна и бесстрашна, но эта девочка больше не испытывает чувства долга по отношению к покойным отцу и матери, не знает, что такое честь семьи. Без связи с предками мы не более чем несомые ветром, бесцельно блуждающие пылинки, ни к кому и ни к чему не прикрепленные.

Я поднимаюсь, оплатив счет за ее ужин.

— Надеюсь, что в один прекрасный день у тебя достанет мудрости понять, чем твоя мать пожертвовала ради тебя.

— Вы уходите?

— Мне нечему учить тебя.

— А с чего вы вообще решили меня обучать? Зачем вы стали искать меня?

— У меня была надежда, что ты другая. Что я смогу обучить тебя. А ты pomoжешь мне.

— Помогу сделать — что?

Я не знаю, как ответить на ее вопрос. Некоторое время мы молчим, слушая лишь неприятные металлические звуки мариачи, которые льются из ресторанных динамиков.

— Ты помнишь своего отца? — спрашиваю я. — Помнишь, что с ним случилось?

Девочка изумленно смотрит на меня.

— Так вот в чем дело, правильно? Поэтому вы и приехали искать меня. Потому что мама написала вам о нем.

— Твой отец был хорошим человеком. Он любил тебя, а ты позоришь его. Позоришь обоих родителей. — Я кладу перед ней стопку банкнот. — Это в память о них. Прекрати шататься по улицам и возвращайся в школу. По крайней мере там тебе не придется отбиваться от незнакомых мужчин. — Я поворачиваюсь и выхожу из ресторана.

Через несколько секунд она тоже появляется в дверях и бежит за мной.

— Подождите! — кричит она. — Куда же вы?

— Домой, в Бостон.

— Я помню вас. И по-моему, знаю, чего вы хотите.

Остановившись, я оборачиваюсь к ней:

— Этого же должна хотеть и ты.

Я окидываю девочку взглядом с головы до ног и вижу костлявые плечики и узкие бедра, на которых едва держатся ее синие джинсы.

— Дело не в том, что нужно делать, — продолжаю я, — а в том, кем ты должна быть.

Я медленно приближаюсь к девочке. До этого момента у нее не было причин опасаться меня, да и кого ей было бояться. Я всего-навсего женщина. Однако то, что она сейчас видит в моих глазах, заставляет девочку отступить назад.

— Боишься? — тихо спрашиваю я.

— Нет. Не боюсь, — с глупой хвастливостью отвечает она, вздернув подбородок.

— А должна бы.

Семь лет спустя

— Мое имя — доктор Маура Айлз. Фамилия пишется так: А-Й-Л-З. Я патологоанатом, работаю в бюро судмедэкспертизы штата Массачусетс.

— Доктор Айлз, расскажите, пожалуйста, суду о своем образовании и профессиональном опыте, — попросила помощница прокурора округа Суффолк Кармела Агилар.

Отвечая на просьбу, Маура не сводила глаз с помощницы окружного прокурора. Сосредоточиться на бесстрастном лице Агилар было гораздо проще, чем ловить недобрые взгляды обвиняемого и нескольких десятков его сторонников, собравшихся в зале суда. Похоже, Агилар не замечала, что ее доводы по делу публики принимает в штыки, а может, это просто ее не заботило. Однако Маура очень остро ощущала настроение публики, ведь бóльшая часть ее состояла из служителей закона и их друзей. А им уж точно не понравится то, что она собирается сказать.

Обвиняемым был сотрудник Бостонского управления полиции Уэйн Брайан Графф, широкоплечий человек с квадратным подбородком — этакое воплощение всеамериканского героя. Публика в зале сочувствовала Граффу, а во все не жертве — побитому и поломанному мужчине, полгода назад оказавшемуся у Мауры на секционном столе. Мужчине, которого никто не оплакивал, чье тело никто не забрал. За два часа до гибели этот человек совершил смертный грех — он стрелял в полицейского и убил его.

Приступая к рассказу о своей биографии, Маура чувствовала, что взгляды собравшихся в зале суда прожигают ей лицо, точно горячие лазерные лучи.

— Я закончила Стэнфордский университет со степенью бакалавра антропологии, — сообщила она. — Свой медицинский диплом я получила в Калифорнийском университете в Сан-Франциско, а затем в том же учебном заведении окончила пятилетнюю резидентуру по патологии. Я сертифицированный специалист по патологической анатомии и клинической патологии. После резидентуры я окончила двухгодичную аспирантуру по специальности судебная патологоанатомия в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе.

— И вы сертифицированный специалист в своей области?

— Да, мэ. В общей и судебной патологии.

— А где вы работали, прежде чем поступили в бостонское бюро судмедэкспертизы?

— Я семь лет служила патологом в бюро судмедэкспертизы города Сан-Франциско, штат Калифорния. И владею лицензиями на медицинскую практику в Массачусетсе и Калифорнии.

Маура рассказала даже больше, чем ее просили, и теперь заметила, как нахмурилась Агилар — доктор Айлз нарушила запланированную череду вопросов. Маура неоднократно излагала эти сведения в суде и прекрасно знала, о чем именно ее будут спрашивать, потому ответы вылетали из ее рта почти автоматически. Где она училась, что от нее требует работа и достаточно ли она компетентна, чтобы свидетельствовать по конкретному делу.

Наконец-то Агилар покончила с формальностями и перешла к деталям.

— Проводили ли вы в октябре прошлого года вскрытие тела, принадлежавшего человеку по имени Фабиан Диксон?

— Да, — ответила Маура. Ответ вполне прозаичный, однако она тут же почувствовала, как возросло напряжение в зале суда.

— Расскажите нам, как вышло, что господин Диксон оказался в бюро судмедэкспертизы.

Взгляд Агилар был сосредоточен на Мауре — она словно говорила: «Не обращайтесь внимания на тех, кто сидит в зале. Смотрите только на меня и излагайте факты».

Маура выпрямилась и начала говорить — достаточно громко, чтобы ее слышали все собравшиеся.

— Покойника — двадцатичетырехлетнего мужчину — обнаружили на заднем сиденье патрульной машины Бостонского УП. Это случилось спустя приблизительно двадцать минут после его ареста. На машине «скорой помощи» его перевезли в Массачусетскую общую больницу, а после прибытия в отделении экстренной помощи констатировали смерть.

— И поэтому он попал в бюро судмедэкспертизы?

— Да, поэтому. Впоследствии его перевезли в наш морг.

— Опишите суду, как выглядел господин Диксон, когда вы впервые его увидели.

Маура обратила внимание на то, что Агилар назвала мертвеца по имени, а не «телом» или «покойным». Таким образом она напомнила суду, что жертва была человеком. У него были имя, лицо и собственная жизнь.

Доктор Айлз последовала ее примеру.

— Господин Диксон был хорошо развитым мужчиной среднего роста и веса, прибывшим в наше учреждение в одних лишь хлопчатобумажных трусах и носках. Прочую одежду сняли ранее, во время попыток реанимации в отделении неотложной помощи. На его груди по-прежнему были закреплены электроды ЭКГ, в левой руке остался внутривенный катетер... — Она умолкла. Вот теперь Маура действительно испытывала неудобство. Она старалась не смотреть на собравшуюся публику и обвиняемого, но прекрасно знала, что их глаза направлены на нее.

— А состояние его тела? Не могли бы вы описать его нам? — потребовала ответа Агилар.

— Множественные кровоподтеки на груди, левом боку и верхней части живота. Веки на обоих глазах вспухли, на губах и коже головы были рваные раны. Не хватало двух зубов — передних верхних резцов.

— Протестую! — Адвокат защиты поднялся со своего места. — Невозможно узнать, когда он потерял эти зубы. Возможно, их не было уже давно.

— Один зуб отобразился на рентгене. В желудке, — возразила Маура.

— Свидетель должен воздержаться от комментариев до моего приказа, — суровым голосом произнес судья. Он посмотрел на адвоката защиты. — Протест отклоняется. Продолжайте, госпожа Агилар.

Помощница окружного прокурора кивнула, ее губы изогнулись в улыбке, и она снова сосредоточилась на Мауре.

— Итак, господин Диксон был серьезно избит, на нем были рваные раны и по крайней мере один из его зубов был выбит совсем недавно.

— Да, — ответила Маура. — Это видно на фотографиях из морга.

— Если суд не возражает, мы хотели бы сейчас показать эти фотографии, — объявила Агилар. — Я должна предупредить публику, что смотреть на них неприятно. Если кто-либо из присутствующих в зале суда предпочел бы не смотреть на них, я рекомендовала бы им удалиться прямо сейчас. — Умолкнув, она оглядела помещение.

Из зала никто не вышел.

Когда на экране возник первый слайд с изображением избитого тела Фабиана Диксона, в зале раздались едва слышные вздохи. Маура не стала расписывать кровоподтеки Диксона во всех подробностях, потому что знала: фотографии расскажут о них куда лучше. Изображения нельзя обвинить во лжи или в том, что они заняли чью-либо сторону.

Правда, представленная на этом снимке, была очевидна каждому: прежде чем поместить Фабиана Диксона на заднее сиденье патрульной машины, его жестоко избили.

Прочие снимки сопровождались пояснениями Мауры, описывающей то, что она обнаружила при вскрытии. Множественные переломы ребер. Проглоченный зуб в желудке. Аспирированная кровь в легких. И причина смерти — разрыв селезенки, повлекший за собой обширное внутрибрюшное кровотечение.

— И каков же характер смерти господина Диксона, доктор Айлз? — спросила Агилар.

Это был ключевой вопрос, на который Маура страшилась ответить, потому что знала, какими будут последствия.

— Убийство, — вымолвила она.

Маура не обязана была указывать виновника. Она свела свой ответ к одному-единственному слову, но не удержалась и посмотрела на Уэйна Граффа. Обвиняемый сидел неподвижно, лицо его казалось непроницаемым, словно было выточено из гранита. Более десяти лет этот полицейский верой и правдой служил Бостону. С десятков свидетелей, дававших показания о его репутации, уверяли суд, что полицейский Графф отважно приходил им на помощь. Он герой, утверждали свидетели, и Маура верила им.

Однако 31 октября, в тот вечер, когда Фабиан Диксон убил полицейского, Уэйн Графф и его напарник превратились в ангелов мщения. Они произвели арест, и в момент смерти Диксон был у них под стражей. «Задержанный был возбужден и агрессивен, как будто находился под действием фенилциклидина или крэка», — отметили они в официальном отчете. Полицейские описали безумное сопротивление Диксона, его нечеловеческую силу. Чтобы затолкать задержанного в патрульную машину, оба полицейских якобы вступили в настоящий рукопашный бой. «Его пришлось сдерживать силой, однако он словно не чувствовал боли. Во время борьбы он издавал стоны и животные звуки, а так-

же пытался снять одежду, хотя в ту ночь было всего четыре градуса». Напарники чересчур точно описали хорошо известное состояние возбуждения и бреда, погубившее других заключенных-кокаинщиков.

Однако спустя несколько месяцев токсикологический анализ показал, что в организме Диксона присутствовал только алкоголь. С этого момента у Мауры не осталось сомнений, что задержанный умер насильственной смертью. И теперь один из убийц сидел за столом защиты и пристально смотрел на доктора Айлз.

— У меня больше нет вопросов, — объявила Агилар. Она опустила на свое место с уверенным видом, словно решила, что выступила успешно.

Адвокат Моррис Уэйли поднялся для проведения перекрестного допроса, и Маура почувствовала, как напряглись ее мышцы. Подходя к свидетельской трибуне, Уэйли казался вполне радушным, словно просто решил начать дружескую беседу. Если бы они встретились на каком-нибудь приеме, Маура сочла бы этого привлекательного мужчину в костюме от «Братьев Брукс»¹ приятным собеседником.

— Полагаю, все мы потрясены вашим профессиональным опытом, доктор Айлз, — сказал он. — А потому я не стану тратить время судебного заседания на обзор ваших научных достижений.

Маура ничего не ответила, она просто смотрела в улыбающееся лицо адвоката и раздумывала: с какой же стороны последует нападение?

— Полагаю, никто из присутствующих в этом зале не усомнился в том, каким упорным трудом вы завоевали свое нынешнее положение, — продолжал Уэйли. — Особенно принимая во внимание, с какими сложностями за последние месяцы вам пришлось столкнуться в личной жизни.

¹ «Братья Брукс» («Brooks Brothers») — старейшая марка мужской одежды в США. — *Здесь и далее, если не указано особо, примеч. перев.*

— Протестую! — Испутив раздраженный вздох, Агилар поднялась со своего места. — Это не имеет отношения к делу.

— Имеет, ваша честь, — возразил Уэйли. — Это касается суждений свидетеля.

— Каким образом? — осведомился судья.

— Прощлый опыт может отразиться на том, как свидетель истолковывает доказательства.

— О каком опыте идет речь?

— Если вы позволите мне рассмотреть эту тему, все станет очевидно.

Судья пристально посмотрел на Уэйли:

— В данную минуту я позволю задавать вопросы по этой теме. Но только в данную минуту.

Нахмурившись, Агилар снова села на свое место.

Уэйли опять сосредоточил внимание на Мауре.

— Доктор Айлз, вы, случайно, не помните дату посмертного обследования покойного?

Маура замерла, потрясенная тем, что адвокат так внезапно сменил тему, снова заговорив о вскрытии. От ее внимания не ускользнул тот факт, что он намеренно не назвал убитого по имени.

— Вы говорите о господине Диксоне? — спросила она и заметила, как в его глазах мелькнуло раздражение.

— Да.

— Дата вскрытия — первое ноября прошлого года.

— И вы установили причину смерти в тот самый день?

— Да. Как я говорила ранее, он умер от обширного внутреннего кровоизлияния, последовавшего за разрывом селезенки.

— А характер смерти вы указали в тот же самый день?

Маура помедлила.

— Нет. Во всяком случае, неокончательно...

— А почему?

Маура сделала глубокий вдох, ощущая, что все взгляды обращены на нее.

— Я хотела дождаться результатов токсикологического скрининга и понять, действительно ли господин Диксон находился под влиянием кокаина или иных препаратов. Хотела проявить осторожность.

— И должны были ее проявить. Ведь ваше решение способно разрушить карьеру и даже жизнь двух преданных своему делу блюстителей порядка.

— Я занимаюсь лишь фактами, господин Уэйли, к каким бы заключениям они ни приводили.

Ответ адвокату не понравился — Маура поняла это по тому, как дернулась мышца на его подбородке. Остатки его видимого радушия испарились: теперь началась битва.

— Итак, вы провели вскрытие первого ноября, — продолжил он.

— Да.

— А что произошло после этого?

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Отправились ли вы куда-то на выходные? И проводили ли другие вскрытия в течение последующей недели?

Маура пристально посмотрела на адвоката. Тревога змеей извивалась где-то внутри, в животе. Она не знала, куда клонит Уэйли, но это в любом случае ей не нравилось.

— Я поехала на патологоанатомическую конференцию, — ответила Маура.

— В Вайоминг, я полагаю.

— Да.

— И там произошла история, которая травмировала вас. На вас напал мерзавец в полицейском мундире.

Агилар вскочила на ноги.

— Протестую! Это не имеет отношения к делу!

— Протест отклоняется, — ответил судья.

Уэйли улыбнулся — теперь путь был свободен, и он мог задавать вопросы, которые пугали Мауру.

— Верно ли это, доктор Айлз? На вас напал полицейский?

— Да, — прошептала она.

— Боюсь, я не расслышал ваш ответ.

— Да, — повторила Маура громче.

— И как же вам удалось выжить?

Зал погрузился в гробовое молчание — все ждали ее рассказа. А Маура не хотела даже вспоминать об истории, из-за которой ей по-прежнему снились кошмары. В ее памяти всплыл тот одинокий холм в штате Вайоминг. Маура припомнила, как хлопнула дверь машины заместителя шерифа и как она оказалась на заднем сиденье, за прутьями решетки, словно задержанная. Вспомнила ужас, охвативший ее, когда она тщетно барабанила в окно в попытке сбежать от человека, который — и Маура это знала — собирался убить ее.

— Доктор Айлз, как вам удалось выжить? Кто пришел к вам на помощь?

Маура нервно сглотнула.

— Мальчик.

— Шестнадцатилетний Джулиан Перкинс, я полагаю. Юноша, выстреливший в полицейского и убивший его.

— У Джулиана не было выбора!

Уэйли вскинул голову:

— Вы защищаете паренька, который убил полицейского?

— *Нехорошего* полицейского!

— А потом вы вернулись в Бостон и объявили, что господин Диксона убили.

— Потому что его действительно убили.

— А может, это просто несчастный случай? Неизбежное следствие ситуации, когда разъярившийся задержанный оказывает сопротивление и его необходимо смирить?

— Вы сами видели фотографии из морга. Полиция применила куда больше силы, чем это было необходимо.

— Но ведь Джулиан Перкинс, паренек из Вайоминга, поступил точно так же. Он застрелил заместителя шерифа. Вы считаете такое проявление силы позволительным?

— Протестую! — воскликнула Агилар. — Доктор Айлз не состоит под судом.

Уэйли продолжал напирать — не сводя глаз с Мауры, он задал очередной вопрос:

— Что же случилось в Вайоминге, доктор Айлз? Может, когда вы боролись за свою жизнь, вас настигло прозрение? Вы вдруг поняли, что полиция — враг?

— Протестую!

— А может, полиция всегда была врагом? Кажется, некоторые члены вашей семьи именно так и считали.

Молоток судьи ударил по столу.

— Господин Уэйли, вы отправляетесь на свое место — немедленно.

Пока адвокат и помощница окружного прокурора совещались с судьей, потрясенная Маура опустила на свое место. Значит, вот до чего дошло дело — начали ворошить историю ее семьи. Вероятно, любой бостонский полицейский знает, что ее мать Амальтея отбывает пожизненный срок в женской тюрьме во Фрамингеме. «Это чудовище, давшее мне жизнь, — пронеслось в голове у Мауры. — Смотриющие на меня люди наверняка задаются вопросом: а может, в мою кровь проникло то же самое зло?» Маура заметила, что на нее неотрывно смотрит обвиняемый, полицейский Графф. Их глаза встретились, и губы подсудимого изогнула улыбка. «А вот и последствия, — прочитала Маура в глазах подсудимого. — Вот что бывает, если предашь блюстителей порядка».

— Суд удаляется на перерыв, — объявил судья. — Мы возобновим заседание в два часа.

Присяжные гуськом вышли из зала, а Маура тяжело откинулась на спинку стула и не заметила, что рядом с ней стоит Агилар.

Литературно-художественное издание

ТЕСС ГЕРРИТСЕН
ГРОБОВОЕ МОЛЧАНИЕ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Анна Быстрова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.06.2020. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MBD-26754-01-R